

Штрихи к портрету

Владимир Огновенко

Русская оперная сцена всегда славилась басами. И когда в одной из зарубежных рецензий о Владимире Огновенко написали, что он настоящий русский бас, то вроде бы ничего нового и удивительного нам не открыли. Но, наверное, надо помнить, что для «них» за этим стоит не только признание хороших вокальных данных, но и учет актерских традиций. Для «них», как, впрочем, и для нас, важна память о Шаляпине, голос которого не существовал отдельно от творимого образа того или иного героя и который был силен именно умением сочетать пение с игрой в неповторимом синтезе, в неразрывной связи всех выразительных возможностей — вокальных, пластических, актерских.

Стремлением к подобному синтезу отмечены и сценические создания Владимира Огновенко. Появиться на подмостках театра и «доложить» арию для него не то чтобы невозможно, но — неинтересно. Хотя голос Огновенко — сильный, даже, точнее сказать, зычный бас, может показаться вполне самостоятельным — выходи себе и пой без затей. Но именно сам этот голос необычайно податлив, отзывчив на индивидуальные краски — в зависимости от характера персонажа, который «озвучивается», он может быть то однолинейным, то гибким. Зависим от этого характера и сам актер, когда он на сцене. Если не предложит режиссер, он все равно будет придумывать поведение героя сам — походку, манеру держаться, каждый поворот головы — особый, значимый, каждый жест рук — всегда удивительно выразительных, играющих... Тут сразу вспоминается его Базилио из «Севильского цирюльника» с характерным «хапающим» движением ладоней, далеко вылезавших из явно

коротких рукавов...

А как остра была пластика старого князя Болконского, как едки интонации — до риска, до перебора. Но короткое его появление оставалось столь значительным, что он, в итоге, воспринимался наравне с главными героями, хотя времени на это вроде бы и не давалось — всего лишь эпизод.

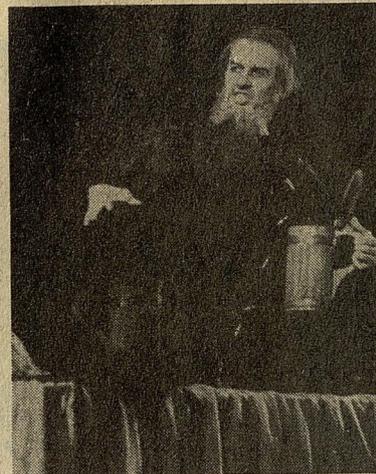
Из эпизодов состоит и роль Дуды из «Садко» — зато как они сыграны! Тут и пляски, и подтанцовки, непрекращающаяся линия поведения. Вроде бы

не так уж много музыкального материала, чтобы высказаться, но Огновенко высказывается, рисует характер задиры и забияки, отыскивая особые интонации, то вдруг по-бабы заливчатые, то грозные. Все идет в ход — умение выразительно подать фразу, возможность «закрутить», завести партнеров, вызвать ответную реакцию. Он всегда работает на сцене, не делая пауз, не давая себе отдыха, не допуская пустот. Поэтому и заметен в любом массовом эпизоде, при любом стечении

народа. И дело не в том, что «выпячивает» себя — мог бы, мол, держаться и поскромнее. Дело в самом характере дарования, в любви к ярким краскам, любви, не признающей полутонов, недосказанности. Приглуши он себя — все равно будет ярко, вольное или невольное лидерство останется за ним. Это особенно ощутимо в его Варлааме. Нет на сцене Огновенко — и не идут «Кромы» как должно, будто стержень из картины бунта вынут. Его Варлаам — душа разгулявшейся стихии, может и раствориться в ней, и управлять ею. Такой Варлаам уже не просто персонаж, но символ всего темного и доброго одновременно — того, что таится в народе, что способно вырваться столь удало и страшно.

Подобная лепка образа, строение его черт, столь выпуклых и определенных, типичны для актера характерного. Но это отнюдь не мешает, более того, помогает быть ему и героем тоже. Его Борис Годунов — статный, красивый, такого трудно сломать, а когда все же слом происходит, это отдается особой болью, рождает подлинный драматизм. В спектакле Андрея Тарковского сам образ Бориса подан как в кино — крупным планом, и соответствовать предложенному масштабу непросто, не каждому под силу. Огновенко это удается, на мой взгляд, как немногим, или даже как никому.

Возможно, и доныне сказывается в трактовке Бориса работа, проделанная Огновенко еще в Свердловске с Александром Тителем. Остается только сожалеть, что подобная скрупулезная

и по-настоящему творческая работа с постановщиком, способным вместе с актером буквально взрастить образ, до сих пор не стала нормой в Мариинском театре. Поэтому и актерские возможности Огновенко здесь все же не реализуются сполна. Просто грех не использовать столь благодарную сценическую внешность, умение быть красивым или безобразным, казаться рослым и стройным и вдруг скрючиться и сжаться, обострить пластический рисунок до предела или показать округлость и плавность жеста, быть подвижным, даже юрким или скульптурно статуарным. Словом, в нем заложено много больше, чем востребовано пока. И как хорошо было бы не вводиться в века идущие спектакли, типа «Фауста» или «Князя Игоря», не попадать в возобновления, далеко не самые удачные — вроде «Псковитянки», а чтобы на тебя рассчитывали, ставили... Впрочем, карьера певца-актера — не на излете. Он из тех, о ком принято говорить — в расцвете сил...

Елена ТРЕТЬЯКОВА

На снимках: В. Огновенко — Борис, справа — Варлаам.

Фото Натальи РАЗИНОЙ